

ЗА ПИСАТЕЛЯ-БОЙЦА

Лозунг «Пролетарское литературное движение — лицом к ударнику!» — не есть лозунг какой-то временной кампании или короткого периода.

«Ударник в литературе!» — это звук перестройки всего пролетарского литературного движения, лозунг, осуществляющий задачу создания нового типа писателя — профессионального революционера, задачу, поставленную пролетарскими литературными движением с самых первых шагов его существования. Это лозунг борьбы со всеми предрасудками бытности, еще сильнейший в нашей литературной общественности.

Давно уже стал смешным и архаичным образ писателя — «лирико-одобренного витязя». Давно уже отвергнуты осужденные типы писателя — холодного и беспристрастного наблюдателя.

Всего будь колодный свидетель,

На все устремляй свой взор...

С таким призываю уже нельзя идти к писателю в наши дни. Но, в более или менее замаскированной форме, те или иные идеологи литературной индустрии и суховинники ведут реакционную пропаганду писателя от классовой практики пролетариата, используя для этого нашу печать.

Совсем недавно вышла книжечка одного из членов групп «Перевал», неизвестного Пакентретера, под претензионно-мрановским заглавием: «Заказ на вдохновение». Пакентретер, конечно, — «Задача идеалы класса», он — «социалист». Но он, С. Пакентретер, представляет сегодняшний день революции, он противопоставляет «общие идеалы класса» сегодняшнему «злободневному манифестирующему классу». Пакентретер, грамматики всех видов и мастеров помолвят критиками Д. Горбова, который в своей книге, посвященной теории Максима Горького, разрабатывает теорию о том, что писатель обязательно должен выходить за пределы класса с его сегодняшней борьбой, должен стоять над сегодняшними днями класса. Только стоит на этой «высотке», писатель сможет по-настоящему понять «общие идеалы» класса.

Смысли эти рассуждения ясны. Писатель, дадеки от «сегодняшнего злободневного манифестирующего класса», уходящий от сегодняшней классовой практики, превращается в «лирико-одобренного витязя», на все устремляя спокойно-бесстрастны, и, по сути дела, пустошь, подсознательный «звор».

Призыв ударников в литературе должен решить задачу, стоящую перед пролетарским литературным движением: воспитание такого писателя, который в

частном и отдельном, в любом сегодняшнем проявлениях классовой борьбы умеет видеть общее. Такому типу писателя, — а это такой тип художника и нужен пролетарскому обществу, — смешно и странно противостоять «сегодняшнему злободневному манифестирующему классу» «общими идеалами», потому что он не знает никаких таких «общих идеалов», которые не были бы связаны с сегодняшней борьбой, не определялись бы ею, не вытекали бы из нее.

Рабочий-ударник приносит с собой в литературу это внимание к конкретным фактам, к реальной действительности, отложивший контроль «действительности» над любым поэтическим вымыслом.

Уметь видеть в частном и отдельном — общее, — значит не только необходимость чуть к реальной действительности, к конкретным фактам, но также понимание того, что «общие идеалы» невозможно отыскать из «злободневного манифестирующего класса».

Уметь видеть в частном и отдельном — общее, — значит не только необходимость чуть к реальной действительности, к конкретным фактам, но также понимание того, что «общие идеалы» невозможно отыскать из «злободневного манифестирующего класса».

Уметь видеть в частном и отдельном — общее, — значит не только необходимость чуть к реальной действительности, к конкретным фактам, но также понимание того, что «общие идеалы» невозможно отыскать из «злободневного манифестирующего класса».

Уметь видеть в частном и отдельном — общее, — значит не только необходимость чуть к реальной действительности, к конкретным фактам, но также понимание того, что «общие идеалы» невозможно отыскать из «злободневного манифестирующего класса».

Уметь видеть в частном и отдельном — общее, — значит не только необходимость чуть к реальной действительности, к конкретным фактам, но также понимание того, что «общие идеалы» невозможно отыскать из «злободневного манифестирующего класса».

Уметь видеть в частном и отдельном — общее, — значит не только необходимость чуть к реальной действительности, к конкретным фактам, но также понимание того, что «общие идеалы» невозможно отыскать из «злободневного манифестирующего класса».

Уметь видеть в частном и отдельном — общее, — значит не только необходимость чуть к реальной действительности, к конкретным фактам, но также понимание того, что «общие идеалы» невозможно отыскать из «злободневного манифестирующего класса».

Уметь видеть в частном и отдельном — общее, — значит не только необходимость чуть к реальной действительности, к конкретным фактам, но также понимание того, что «общие идеалы» невозможно отыскать из «злободневного манифестирующего класса».

Уметь видеть в частном и отдельном — общее, — значит не только необходимость чуть к реальной действительности, к конкретным фактам, но также понимание того, что «общие идеалы» невозможно отыскать из «злободневного манифестирующего класса».

Уметь видеть в частном и отдельном — общее, — значит не только необходимость чуть к реальной действительности, к конкретным фактам, но также понимание того, что «общие идеалы» невозможно отыскать из «злободневного манифестирующего класса».

Уметь видеть в частном и отдельном — общее, — значит не только необходимость чуть к реальной действительности, к конкретным фактам, но также понимание того, что «общие идеалы» невозможно отыскать из «злободневного манифестирующего класса».

Уметь видеть в частном и отдельном — общее, — значит не только необходимость чуть к реальной действительности, к конкретным фактам, но также понимание того, что «общие идеалы» невозможно отыскать из «злободневного манифестирующего класса».

Уметь видеть в частном и отдельном — общее, — значит не только необходимость чуть к реальной действительности, к конкретным фактам, но также понимание того, что «общие идеалы» невозможно отыскать из «злободневного манифестирующего класса».

Уметь видеть в частном и отдельном — общее, — значит не только необходимость чуть к реальной действительности, к конкретным фактам, но также понимание того, что «общие идеалы» невозможно отыскать из «злободневного манифестирующего класса».

Уметь видеть в частном и отдельном — общее, — значит не только необходимость чуть к реальной действительности, к конкретным фактам, но также понимание того, что «общие идеалы» невозможно отыскать из «злободневного манифестирующего класса».

Уметь видеть в частном и отдельном — общее, — значит не только необходимость чуть к реальной действительности, к конкретным фактам, но также понимание того, что «общие идеалы» невозможно отыскать из «злободневного манифестирующего класса».

Уметь видеть в частном и отдельном — общее, — значит не только необходимость чуть к реальной действительности, к конкретным фактам, но также понимание того, что «общие идеалы» невозможно отыскать из «злободневного манифестирующего класса».

Уметь видеть в частном и отдельном — общее, — значит не только необходимость чуть к реальной действительности, к конкретным фактам, но также понимание того, что «общие идеалы» невозможно отыскать из «злободневного манифестирующего класса».

Уметь видеть в частном и отдельном — общее, — значит не только необходимость чуть к реальной действительности, к конкретным фактам, но также понимание того, что «общие идеалы» невозможно отыскать из «злободневного манифестирующего класса».

Уметь видеть в частном и отдельном — общее, — значит не только необходимость чуть к реальной действительности, к конкретным фактам, но также понимание того, что «общие идеалы» невозможно отыскать из «злободневного манифестирующего класса».

Уметь видеть в частном и отдельном — общее, — значит не только необходимость чуть к реальной действительности, к конкретным фактам, но также понимание того, что «общие идеалы» невозможно отыскать из «злободневного манифестирующего класса».

Уметь видеть в частном и отдельном — общее, — значит не только необходимость чуть к реальной действительности, к конкретным фактам, но также понимание того, что «общие идеалы» невозможно отыскать из «злободневного манифестирующего класса».

Уметь видеть в частном и отдельном — общее, — значит не только необходимость чуть к реальной действительности, к конкретным фактам, но также понимание того, что «общие идеалы» невозможно отыскать из «злободневного манифестирующего класса».

Уметь видеть в частном и отдельном — общее, — значит не только необходимость чуть к реальной действительности, к конкретным фактам, но также понимание того, что «общие идеалы» невозможно отыскать из «злободневного манифестирующего класса».

Уметь видеть в частном и отдельном — общее, — значит не только необходимость чуть к реальной действительности, к конкретным фактам, но также понимание того, что «общие идеалы» невозможно отыскать из «злободневного манифестирующего класса».

Уметь видеть в частном и отдельном — общее, — значит не только необходимость чуть к реальной действительности, к конкретным фактам, но также понимание того, что «общие идеалы» невозможно отыскать из «злободневного манифестирующего класса».

Уметь видеть в частном и отдельном — общее, — значит не только необходимость чуть к реальной действительности, к конкретным фактам, но также понимание того, что «общие идеалы» невозможно отыскать из «злободневного манифестирующего класса».

Уметь видеть в частном и отдельном — общее, — значит не только необходимость чуть к реальной действительности, к конкретным фактам, но также понимание того, что «общие идеалы» невозможно отыскать из «злободневного манифестирующего класса».

Уметь видеть в частном и отдельном — общее, — значит не только необходимость чуть к реальной действительности, к конкретным фактам, но также понимание того, что «общие идеалы» невозможно отыскать из «злободневного манифестирующего класса».

Уметь видеть в частном и отдельном — общее, — значит не только необходимость чуть к реальной действительности, к конкретным фактам, но также понимание того, что «общие идеалы» невозможно отыскать из «злободневного манифестирующего класса».

Уметь видеть в частном и отдельном — общее, — значит не только необходимость чуть к реальной действительности, к конкретным фактам, но также понимание того, что «общие идеалы» невозможно отыскать из «злободневного манифестирующего класса».

Уметь видеть в частном и отдельном — общее, — значит не только необходимость чуть к реальной действительности, к конкретным фактам, но также понимание того, что «общие идеалы» невозможно отыскать из «злободневного манифестирующего класса».

Уметь видеть в частном и отдельном — общее, — значит не только необходимость чуть к реальной действительности, к конкретным фактам, но также понимание того, что «общие идеалы» невозможно отыскать из «злободневного манифестирующего класса».

Уметь видеть в частном и отдельном — общее, — значит не только необходимость чуть к реальной действительности, к конкретным фактам, но также понимание того, что «общие идеалы» невозможно отыскать из «злободневного манифестирующего класса».

Уметь видеть в частном и отдельном — общее, — значит не только необходимость чуть к реальной действительности, к конкретным фактам, но также понимание того, что «общие идеалы» невозможно отыскать из «злободневного манифестирующего класса».

Уметь видеть в частном и отдельном — общее, — значит не только необходимость чуть к реальной действительности, к конкретным фактам, но также понимание того, что «общие идеалы» невозможно отыскать из «злободневного манифестирующего класса».

Уметь видеть в частном и отдельном — общее, — значит не только необходимость чуть к реальной действительности, к конкретным фактам, но также понимание того, что «общие идеалы» невозможно отыскать из «злободневного манифестирующего класса».

Уметь видеть в частном и отдельном — общее, — значит не только необходимость чуть к реальной действительности, к конкретным фактам, но также понимание того, что «общие идеалы» невозможно отыскать из «злободневного манифестирующего класса».

РАЗГОВОР ПО ДУШАМ

Привет ударнику в литературе.

Товарищ!

Дай пять!

Надеюсь, ты скажешь об, брови нахмури,

Довольно!

Кончай спать!

Пора,

Давно пропущены сроки;

Вставай, с пейзажных полей,

полемик конец полемической склоне

барьей

за промфинплан.

Ты вымышишь

это веское слово,

в котором

каждая буква правда;

а писатель

повернется

и снова

двойной армия.

Потому:

известность,

на борьбу

каждому

и своего огорода.

ведь писатель —

спец в душевом рытье —

давно давно уже

отал раны.

Экономике обучался,

умея

из нас понимают

многие,

что не психология

определляет бюджет.

в бюджет —

психология.

А в литература,

психологий ядре

мечи,

философы некоторые

сироты:

приучат

с филиппинами.

Правы

для

девятки

и ходят

по

бюджету.

Сейчас

все

запасы

запасы

запасы

РОЖДЕНИЕ РАБОЧЕИ КРИТИКИ

Эти вечера, на которых разгорались жаркие споры о новых книгах, не были исключением на обильные литературные дискуссии.

Рабочие-критики разбирали литературные произведения своих товарищей по фабрике, пеку, стеклу.

Одни из таких вечеров состоялись в 5-й типографии «Тракторостроя». Там на съезде обсуждались книги наборщиков этой типографии — И. Павлова.

В книжке «Бригада наборщиков» — рассказывал автор товарищам по работе, — я не знал, на общем цехе, а об ударной бригаде Михаила.

«На опыте одной бригады я хотел показать, как работает другая, как ударничество воздействует на рабочих; хотел показать новое отношение к труду».

Эту идею И. Павлова единодушно приветствовали типографчики 5-й «Тракторостроя». Но автору пришлось выслушать не мало резких замечаний, дальних указаний, существенных поправок к книжке.

— В книжке говорится только о наборном цехе. Как будто в типографии не существует печатного цеха, переплетного цеха?

— Ничего брошюра сделано, как отчет. Его надо перестроить.

— В книжке не сказано о работе заупрудицкого...

В книжке бригада наборщиков бригадир т. Минин, — мало внимания уделяется тем приятствиям, которые мы встречали за 4—5 месяцев работы. Павлову надо было рассказать о том, как бригада стала ударной, как она называла и называла неchetochet'noe в своей работе. В книжке сказано на счет досок. Но это не единственная наша попытка, их много у нас и их надо было осветить.

Другую точку зрения выдвигают наборщики т. Карагин.

— Тут сотовали, — говорит он, — изучали у нас недостатки — одни только доски? — Всего не напишешь. Книжка Павлова — это ведь не прототип нашего производственного советщика. Здесь нужно, чтобы на маленьком участке все было отражено, как было на самом деле, но

некоторое огущение красок здесь позволительно: так уж точно, по прототипу, по-стечению, написать книжку на нашем языке.

— Это был бы громоздкий труд, он неинтересен для нас.

Нельзя одну какую-то бригаду описать, — возразил наборщик т. Новоселов. — Что выйдет из того, что одна бригада опишется, ведь это бригада связи, и с печатным отделом, и с листопечаткой? А что она одна не себя представляет? Изолировать ее, она и будет только одна бригада называться ударной бригадой. По моему, Павлов должен был рассказать не только о наборном цехе, но и о печатном, и о листопечатке, и о брошюровочном...

— Я считаю, что Павлов заложил правильную установку, — говорит т. Буринцов, один из героев книжки Павлова. В них отражены все моменты работы нашей бригады, с самого ее основания. Такие книжки можно только приветствовать.

— Вот книжка, — заявляют выступающие в заключение заведующий кадетствием ВЦСПС т. Виглок, — которая должна смотреть определенную общественную роль.

Если эта книжка не поможет

укрепить ударное движение в наше-

ти типографии и в других, — она никогда не родится.

Другое собрание, другую литературу мы дискутируем.

Предмет обсуждения: книжка «8 бояк за митапы».

Второй — «Сервис и молот» Николай Михайлов. Критики — рабочие листопечатного цеха.

— Все написано хорошо и правильно, — в этой брошюре, — говорит т. Гладышев. — Я считаю, что также книжка очень нужна нам.

— Книжка хороша, — поддерживает т. Романов. — Она дает большой подъем не только в нашем цеху, но другие цеха будут равняться по листопечатному, тоже буду принимать меры, чтобы поднять свою работу.

— Все, что написано в брошюре т. Михайлова — все верно, без прискорби и без преувеличения, — дополняет член бюро ячейки т. Жуков. — Я считаю, что не только такая брошюра Михайлова полезна, но хорошо было бы и ряд подобных книг написать, только вот нет людей, которые сумели бы написать их...

...эту брошюру надо приветствовать, и я думаю, что не только мы, листопечатники, или наши заводы, весь Союз должен прочитать ее.

— Тут мало написано про заведующего цехом Монгера, — говорит т. Баринов, — а про него можно было бы больше написать. Мы, рабочие, удивляемся: когда это он только смит? Он приходит и в 8 часов, и в 12, и в 3 часа. Смены придет в цеху. У него такой видел на производстве, что если имеется неподходящий рабочий или получается брак, он подходит к рабочему и начинает делать и проверять. Так, если посмотреть, он как будто и грубо подходит к рабочему, а по производству — он прав.

— Когда у нас было недовыполнение программы, — дополняет т. Кронников, — было большая задержка в квасильной жестости и проворном железе... Монгер вчера сам работал, Взял туда четырех человек, а сам работал за старшего, за машиниста. Но воскресеньем работал, чтобы не останавливать обжигательные печи. Квасильная машина не успевала выбрасывать столько жестких, скользких требований, как она работал на печи. Там находилось 12 человек рабочих, а он работал с четырьмя.

— Хорошо написано! — спрашивают рабочие листопечатника своего мастера, аничникова, Монгера, описанного в книжке Михайлова.

— Нишево, харош, — говорит русское слово т. Монгер. — Если он написал — правда. Если он плох на один на писал — правда, если хороши на другое — тоже правда...

...Я внимательно слушал.

Бригадир Михайлова тем дороже, что, когда мы на своих плечах все это выносим, — вспоминает — мы забыли его, — говорит т. Чечунов. — Когда я буду рассказывать своим детям, как создавали как выносили на своих плечах восстновительный перелом, я все не упомню. Но имел брошюру Михайлова, — я буду этим документом подтверждать факты...

...Я предлагаю книжку Михайлова распространить, чтобы каждый рабочий имел ее в своих руках.

— Знаете ли, какой вообще недостаток находится в нашей книжке? Она не совсем хорошо прописана в книжке.

Так писал Велинский о литературном критике своего времени.

Может ли при этих условиях пролетариат не вымыть из пухи своей рабочей кисти струи нового рабочего творчества: рабочий становится поэтом в своей повседневной творческой практике?

...Я предлагаю книжку Михайлова распространить, чтобы каждый рабочий имел ее в своих руках.

— Знаете ли, какой вообще недостаток находится в нашей книжке? Она не совсем хорошо прописана в книжке.

Нельзя одну какую-то бригаду описать, — возразил наборщик т. Новоселов.

— Что выйдет из того, что одна бригада опишется, ведь это бригада связи, и с печатным отделом, и с листопечаткой?

— А что она одна не себя представляет? Изолировать ее, она и будет только одна бригада называться ударной бригадой.

По моему, Павлов должен был рассказать не только о наборном цехе, но и о печатном, и о листопечатке, и о брошюровочном...

— Я считаю, что Павлов заложил правильную установку, — говорит т. Буринцов.

— В книжке, — заявляют выступающие в заключение заведующий кадетствием ВЦСПС т. Виглок, — которая должна смотреть определенную общественную роль.

Если эта книжка не поможет

укрепить ударное движение в наше-

ти типографии и в других, — она никогда не родится.

Другое собрание, другую литературу мы дискутируем.

Предмет обсуждения: книжка «8 бояк за митапы».

Второй — «Сервис и молот» Николай Михайлов.

Критики — рабочие листопечатного цеха.

— Все написано хорошо и правильно, — в этой брошюре, — говорит т. Гладышев.

— Я считаю, что также книжка очень нужна нам.

— Книжка хороша, — поддерживает т. Романов.

— Она дает большой подъем

не только в нашем цеху, но другие цеха

будут равняться по листопечатному, тоже буду принимать меры, чтобы поднять свою работу.

— Все, что написано в брошюре т. Михайлова — все верно, без прискорби и без преувеличения, — дополняет член бюро ячейки т. Жуков.

— Я считаю, что также книжка очень нужна нам.

— Книжка хороша, — поддерживает т. Романов.

— Она дает большой подъем

не только в нашем цеху, но другие цеха

будут равняться по листопечатному, тоже буду принимать меры, чтобы поднять свою работу.

— Все, что написано в брошюре т. Михайлова — все верно, без прискорби и без преувеличения, — дополняет член бюро ячейки т. Жуков.

— Я считаю, что также книжка очень нужна нам.

— Книжка хороша, — поддерживает т. Романов.

— Она дает большой подъем

не только в нашем цеху, но другие цеха

будут равняться по листопечатному, тоже буду принимать меры, чтобы поднять свою работу.

— Все, что написано в брошюре т. Михайлова — все верно, без прискорби и без преувеличения, — дополняет член бюро ячейки т. Жуков.

— Я считаю, что также книжка очень нужна нам.

— Книжка хороша, — поддерживает т. Романов.

— Она дает большой подъем

не только в нашем цеху, но другие цеха

будут равняться по листопечатному, тоже буду принимать меры, чтобы поднять свою работу.

— Все, что написано в брошюре т. Михайлова — все верно, без прискорби и без преувеличения, — дополняет член бюро ячейки т. Жуков.

— Я считаю, что также книжка очень нужна нам.

— Книжка хороша, — поддерживает т. Романов.

— Она дает большой подъем

не только в нашем цеху, но другие цеха

будут равняться по листопечатному, тоже буду принимать меры, чтобы поднять свою работу.

— Все, что написано в брошюре т. Михайлова — все верно, без прискорби и без преувеличения, — дополняет член бюро ячейки т. Жуков.

— Я считаю, что также книжка очень нужна нам.

— Книжка хороша, — поддерживает т. Романов.

— Она дает большой подъем

не только в нашем цеху, но другие цеха

будут равняться по листопечатному, тоже буду принимать меры, чтобы поднять свою работу.

— Все, что написано в брошюре т. Михайлова — все верно, без прискорби и без преувеличения, — дополняет член бюро ячейки т. Жуков.

— Я считаю, что также книжка очень нужна нам.

— Книжка хороша, — поддерживает т. Романов.

— Она дает большой подъем

не только в нашем цеху, но другие цеха

будут равняться по листопечатному, тоже буду принимать меры, чтобы поднять свою работу.

— Все, что написано в брошюре т. Михайлова — все верно, без прискорби и без преувеличения, — дополняет член бюро ячейки т. Жуков.

— Я считаю, что также книжка очень нужна нам.

— Книжка хороша, — поддерживает т. Романов.

— Она дает большой подъем

не только в нашем цеху, но другие цеха

будут равняться по листопечатному, тоже буду принимать меры, чтобы поднять свою работу.

— Все, что написано в брошюре т. Михайлова — все верно, без прискорби и без преувеличения, — дополняет член бюро ячейки т. Жуков.

— Я считаю, что также книжка очень нужна нам.

— Книжка хороша, — поддерживает т. Романов.

— Она дает большой подъем

не только в нашем цеху, но другие цеха

будут равняться по листопечатному, тоже буду принимать меры, чтобы поднять свою работу.

— Все, что написано в брошюре т. Михайлова — все верно, без прискорби и без преувеличения, — дополняет член бюро ячейки т. Жуков.

— Я считаю, что также книжка очень нужна нам.

— Книжка хороша, — поддерживает т. Романов.

— Она дает большой подъем

не только в нашем цеху, но другие цеха

будут равняться по листопечатному, тоже буду принимать меры, чтобы поднять свою работу.

— Все, что написано в брошюре т. Михайлова — все верно, без прискорби и без преувеличения, — дополняет член бюро ячейки т. Жуков.

— Я считаю, что также книжка очень нужна нам.

— Книжка хороша, — поддерживает т. Романов.

— Она дает большой подъем

не только в нашем цеху, но другие цеха

будут равняться по листопечатному, тоже буду принимать меры, чтобы поднять свою работу.

“ПЕРВАЯ КОННАЯ” ВС. ВИШНЕВСКОГО

“Литературная газета” проводит в текущем сезоне спектакльные творческие собрания редакции, посвященные наиболее актуальным вопросам и явлениям в области литературы, театра, музыки, клубного самодеятельного искусства, фармацевтического движения и т. д.— Первые два собрания были посвящены молодому драматургу— Вс. Вишневскому: 17 октября— “Первой Конной”, поставленной новою, завед за Театром Красной Армии и Пролеткультом, московским Театром Революции и 20 октября— новой пьесе Вишневского, “Последний учитель”, посвященной и постановке в Театре им. Маяковского. Активное участие в работе заседаний принял представитель рабочей научной, литературной и театральной общественности Москвы.

“ПЕРВАЯ КОННАЯ”

“Первая Конная”, Вс. Вишневского, имеющая несомненно политическую и художественную широкую и глубокую обсуждение, — писал после первой авторской читки пьесы ленинградская журналь “Рабочий и Искусство”.

“Первая Конная” — пьеса Вс. Вишневского — сразу выводит его из рядов советской драматургии, сделав ее с постановкой пьесы в Театре Красной Армии московской газеты “Рабочий и Искусство”.

Жизнь опровергает утверждение московской газеты “Рабочий и Искусство”. Если еще недавно, менее года назад, мало кто знал бойца и воинка, конника и краснофлота Вс. Вишневского, то сегодня имя автора “Первой Конной” широко известно массовому красноармейскому и рабочему зрителю СССР. Москва, Ленинград, Минск, Днепропетровск, Казань — на счету многих сценических подиумов побывала уже “Первая Конная”. Но этот же “ход” на советские театры — заслуженный широкого и глубокого обсуждения, — писалось в первом авторском читке пьесы в Театре Красной Армии и в “Рабочем и Искусстве”.

“Первая Конная” — пьеса Вс. Вишневского — сразу выводит его из рядов советской драматургии, сделав ее с постановкой пьесы в Театре Красной Армии — на счету многих сценических подиумов побывала уже “Первая Конная”. Но этот же “ход” на советские театры — заслуженный широкого и глубокого обсуждения, — писалось в первом авторском читке пьесы в Театре Красной Армии. Тем самым он не показал, как совершился перелом в сознании армии, — на счету многих сценических подиумов побывала уже “Первая Конная”. Но этот же “ход” на советские театры — заслуженный широкого и глубокого обсуждения, — писалось в первом авторском читке пьесы в Театре Красной Армии. Тем самым он не показал, как совершился перелом в сознании армии,

ТОВОРЧЕСКИЙ МЕТОД

И. М. Нусинов в своем слове говорил о закономерности метода Вс. Вишневского. Этот метод противопоставлен психологическому. В том жанре, который показал нам автор “Первой Конной”, метод этот целиком оправдан. Более того, автор полагает, что метод оказался плоховатым и в том смысле, что Вишневский раскрыл это путь, в силу которого старый солдат стал в наших глазах новым человеком, стала армия стала новой. И. Нусинов считает, что в самом драматургическом жанре Вишневского поднял им на большую высоту. Но метод Вс. Вишневского же не есть метод универсальный. Он оправдан только в данной пьесе. К существенным недостаткам пьесы оторвал от полной отсутствия в ней тьмы, не показанного автором. Необходимо было показать, что армия есть орудие класса, что она создана рабочим классом и партией.

СПОР С А. ДИКИМ

Неужели, — спрашивает П. Марков, — то, что написал Вишневский в 10—12 дней, когда вспомнил свою жизнь в Красной армии, есть те красноармейцы, которые умирали с таким “ном” старых опытных актеров на сцене. Неужели то, что написал Вишневский — это красные знамена, которые в удобный момент склоняются над погибшими, неужели это тот солдатский кодекс, который мы смотрим в течение более получаса? П. А. Марков развеображен против “монументальности”, “романтизма”, “громоподобности”, которые отличают постановку А. Дикого. Возражает он также против того, что театр не поставил эпизод, относящегося к периоду Керенского. Тем самым он не показал, как совершился перелом в сознании армии,

НА ПУТИ К ДИАЛЕКТИЧЕСКОМУ МЕТОДУ

Проблема творческого метода, метода пролетарской драматургии почти целиком была поставлена обстоятельствами И. Аникиным:

— Слушай! Загорского, Маркова, Колеву, Левидова, начинаясь пониманием, что Вишневский написал карточную пьесу. Она всем кажется великолепной, новой, открывшейся горизонта. — вместе с тем она недоступна поддается раскрытию. Пьеса Вишневского привлекла внимание, поднимает наш театр на большую высоту — и вместе с тем она открыта пережитками мелкобуржуазной ограниченности. Вишневский применяет метод диалектического материализма в театре — его пьеса великолепна, нова, притягивает именно этим. Но в ней ещедерживаются механические черты. Вот что делает пьесу Вишневского коварной. Она лишена целности. Хорошо, что Вишневский помешал традиции старого построения драмы, разрывая ее на поток эпизодов. Но плохо, что эпизоды Вишневского делят сцены, замкнуты, не переходят друг в друга. Пьеса Вишневского, охватывающая действительность в ее развитии, содержит и черты созерцательности, инертности. Первый акт, воспроизведя царскую казарму, особенно показатель в этом смысле. Изобразил громогласный путь “Первой Конной”, автор не вскрывает связи ее со всеми различиями, со всей борьбой пролетариата. Роль театра, роль постановки Дикого, которая по-своему великолепна, кажется нам симптоматичной. Театр очень ярок, чутко, метко оттеняет в пьесе Вишневского не только ее положительное, но и ее внутренне противоречие, ее механистическую ограниченность. Так театр очень последовательно вскрывает моменты созерцательности в пьесе Вишневского. Театр подчеркивает замкнутость интерпретации Вишневского. Спектакль Театра Революции с большой последовательностью раскрывает Вишневского не только со стороны его достижений, но и со стороны тех срывов, которые мешают автору стать подлинным диалектическим материалистом в драматургии. В этом смысле спектакль Дикого крайне поучителен. Остановился на проблеме ведущего. В ней как в фокусе отражены внутренние противоречия пьесы Вишневского. Как бы сознавая механистическую раздробленность своей венецианской пьесы, чтобы ее к какой-то целостности, автор выдвигает фигуру “ведущего”, которая должна свидетельствовать о едином основании. Получается неверное, искусственное, размежевание. С одной стороны даны эпизоды, раскрыты в плане внешней обективистской характеристики. С другой стороны, — существует “ведущий”, который определяет отношение художника ко всему прошлому. Конечно, отношение должно содержаться в самих изображениях, его нельзя отвлекать и обособлять, как это сделал Вишневский. Ведущий это — образ, в котором недостаточная оформленность драматургии Вишневского, ее недостаточная марксистская зрелость находят выражение. Вишневский — крупнейшее явление нашей драматургии в реконструктивный период. Тем не менее строгостью мы должны отнести к работе Вишневского.

А. ДИКИЙ О ПОСТАНОВКЕ

А. Диким, постановщик “Первой Конной”, сообщил о своем режиссерском методе, характеризуя попутно пьесу Вишневского.

— Мой метод работы, — говорит он, — заключается в том, что для меня каждое произведение театра есть произведение, оторванное от авторского материала. Режиссер, переводя драматургическое произведение на язык театра, должен всякий раз находить форму, отличную от “соседа”. Если вы просмотрите ряд современных спектаклей, то убедитесь, что все они весьма скользки.

Я ищу не ходства, а разницу. Пытаясь отличить одного автора от другого, я ссыпаю на него.

В поисках форм для спектакля будущий патетический ода, монумент, праздник, торжество.

Работая над постановкой, я старался не отрывать спектакль от действительных жизненных сцен, тем более что жизненные эпизоды много в пьесе и характер их не ограничивал моих задач и акцентировал представление, как театральную патетическую оду.

крыть от вас недостатков пьесы. В ней есть элементы батальности технической, бескачественности. Чисто воинские элементы иногда закрывают от Вишневского общественные. Роль “ведущего” необходимо для “Первой Конной”, «ведущий» обобщает проникшее, он включает отдельное в общее. Но если бы я, Вишневский не связывал отдельное в общем таким, несколько механическим, путем, он без сомнения сделал бы пьесу более глубокой. Вишневский многое сделал. Дальнейшая работа его над творческим методом, без сомнения, позволит создать ему еще более значительные вещи.

ЗАКЛЮЧЕТЕЛЬНОЕ СЛОВО ВС. ВИШНЕВСКОГО

С большой речью о своей пьесе, о творческом методе и о всех критических замечаниях, которые пришлось выслушать автору на творческом собрании “Литгазеты”, высунул Вс. Вишневский. Мы ограничились местом. Но даем ей, чтобы она была членом впереди. Вишневский многое сделал. Дальнейшая работа его над творческим методом, без сомнения, позволит создать ему еще более значительные вещи.

С большой речью о своей пьесе, о творческом методе и о всех критических замечаниях, которые пришлось выслушать автору на творческом собрании “Литгазеты”, высунул Вс. Вишневский. Мы ограничились местом. Но даем ей, чтобы она была членом впереди. Вишневский многое сделал. Дальнейшая работа его над творческим методом, без сомнения, позволит создать ему еще более значительные вещи.

С большой речью о своей пьесе, о творческом методе и о всех критических замечаниях, которые пришлось выслушать автору на творческом собрании “Литгазеты”, высунул Вс. Вишневский. Мы ограничились местом. Но даем ей, чтобы она была членом впереди. Вишневский многое сделал. Дальнейшая работа его над творческим методом, без сомнения, позволит создать ему еще более значительные вещи.

С большой речью о своей пьесе, о творческом методе и о всех критических замечаниях, которые пришлось выслушать автору на творческом собрании “Литгазеты”, высунул Вс. Вишневский. Мы ограничились местом. Но даем ей, чтобы она была членом впереди. Вишневский многое сделал. Дальнейшая работа его над творческим методом, без сомнения, позволит создать ему еще более значительные вещи.

С большой речью о своей пьесе, о творческом методе и о всех критических замечаниях, которые пришлось выслушать автору на творческом собрании “Литгазеты”, высунул Вс. Вишневский. Мы ограничились местом. Но даем ей, чтобы она была членом впереди. Вишневский многое сделал. Дальнейшая работа его над творческим методом, без сомнения, позволит создать ему еще более значительные вещи.

С большой речью о своей пьесе, о творческом методе и о всех критических замечаниях, которые пришлось выслушать автору на творческом собрании “Литгазеты”, высунул Вс. Вишневский. Мы ограничились местом. Но даем ей, чтобы она была членом впереди. Вишневский многое сделал. Дальнейшая работа его над творческим методом, без сомнения, позволит создать ему еще более значительные вещи.

С большой речью о своей пьесе, о творческом методе и о всех критических замечаниях, которые пришлось выслушать автору на творческом собрании “Литгазеты”, высунул Вс. Вишневский. Мы ограничились местом. Но даем ей, чтобы она была членом впереди. Вишневский многое сделал. Дальнейшая работа его над творческим методом, без сомнения, позволит создать ему еще более значительные вещи.

С большой речью о своей пьесе, о творческом методе и о всех критических замечаниях, которые пришлось выслушать автору на творческом собрании “Литгазеты”, высунул Вс. Вишневский. Мы ограничились местом. Но даем ей, чтобы она была членом впереди. Вишневский многое сделал. Дальнейшая работа его над творческим методом, без сомнения, позволит создать ему еще более значительные вещи.

С большой речью о своей пьесе, о творческом методе и о всех критических замечаниях, которые пришлось выслушать автору на творческом собрании “Литгазеты”, высунул Вс. Вишневский. Мы ограничились местом. Но даем ей, чтобы она была членом впереди. Вишневский многое сделал. Дальнейшая работа его над творческим методом, без сомнения, позволит создать ему еще более значительные вещи.

С большой речью о своей пьесе, о творческом методе и о всех критических замечаниях, которые пришлось выслушать автору на творческом собрании “Литгазеты”, высунул Вс. Вишневский. Мы ограничились местом. Но даем ей, чтобы она была членом впереди. Вишневский многое сделал. Дальнейшая работа его над творческим методом, без сомнения, позволит создать ему еще более значительные вещи.

С большой речью о своей пьесе, о творческом методе и о всех критических замечаниях, которые пришлось выслушать автору на творческом собрании “Литгазеты”, высунул Вс. Вишневский. Мы ограничились местом. Но даем ей, чтобы она была членом впереди. Вишневский многое сделал. Дальнейшая работа его над творческим методом, без сомнения, позволит создать ему еще более значительные вещи.

С большой речью о своей пьесе, о творческом методе и о всех критических замечаниях, которые пришлось выслушать автору на творческом собрании “Литгазеты”, высунул Вс. Вишневский. Мы ограничились местом. Но даем ей, чтобы она была членом впереди. Вишневский многое сделал. Дальнейшая работа его над творческим методом, без сомнения, позволит создать ему еще более значительные вещи.

С большой речью о своей пьесе, о творческом методе и о всех критических замечаниях, которые пришлось выслушать автору на творческом собрании “Литгазеты”, высунул Вс. Вишневский. Мы ограничились местом. Но даем ей, чтобы она была членом впереди. Вишневский многое сделал. Дальнейшая работа его над творческим методом, без сомнения, позволит создать ему еще более значительные вещи.

С большой речью о своей пьесе, о творческом методе и о всех критических замечаниях, которые пришлось выслушать автору на творческом собрании “Литгазеты”, высунул Вс. Вишневский. Мы ограничились местом. Но даем ей, чтобы она была членом впереди. Вишневский многое сделал. Дальнейшая работа его над творческим методом, без сомнения, позволит создать ему еще более значительные вещи.

С большой речью о своей пьесе, о творческом методе и о всех критических замечаниях, которые пришлось выслушать автору на творческом собрании “Литгазеты”, высунул Вс. Вишневский. Мы ограничились местом. Но даем ей, чтобы она была членом впереди. Вишневский многое сделал. Дальнейшая работа его над творческим методом, без сомнения, позволит создать ему еще более значительные вещи.

С большой речью о своей пьесе, о творческом методе и о всех критических замечаниях, которые пришлось выслушать автору на творческом собрании “Литгазеты”, высунул Вс. Вишневский. Мы ограничились местом. Но даем ей, чтобы она была членом впереди. Вишневский многое сделал. Дальнейшая работа его над творческим методом, без сомнения, позволит создать ему еще более значительные вещи.

С большой речью о своей пьесе, о творческом методе и о всех критических замечаниях, которые пришлось выслушать автору на творческом собрании “Литгазеты”, высунул Вс. Вишневский. Мы ограничились местом. Но даем ей, чтобы она была членом впереди. Вишневский многое сделал. Дальнейшая работа его над творческим методом, без сомнения, позволит создать ему еще более значительные вещи.

С большой речью о своей пьесе, о творческом методе и о всех критических замечаниях, которые пришлось выслушать автору на творческом собрании “Литгазеты”, высунул Вс. Вишневский. Мы ограничились местом. Но даем ей, чтобы она была членом впереди. Вишневский многое сделал. Дальнейшая работа его над творческим методом, без сомнения, позволит создать ему еще более значительные вещи.

С большой речью о своей пьесе, о творческом методе и о всех критических замечаниях, которые пришлось выслушать автору на творческом собрании “Литгазеты”, высунул Вс. Вишневский. Мы ограничились местом. Но даем ей, чтобы она была членом впереди. Вишневский многое сделал. Дальнейшая работа его над творческим методом, без сомнения, позволит создать ему еще более значительные вещи.

С большой речью о своей пьесе, о творческом методе и о всех критических замечаниях, которые пришлось выслушать автору на творческом собрании “Литгазеты”, высунул Вс. Вишневский. Мы ограничились местом. Но даем ей, чтобы она была членом впереди. Вишневский многое сделал. Дальнейшая работа его над творческим методом, без сомнения, позволит создать ему еще более значительные вещи.

С большой речью о своей пьесе, о творческом методе и о всех критических замечаниях, которые пришлось выслушать автору на творческом собрании “Литгазеты”, высунул Вс. Вишневский. Мы ограничились местом. Но даем ей, чтобы она была членом впереди. Вишневский многое сделал. Дальнейшая работа его над творческим методом, без сомнения, позволит создать ему еще более значительные вещи.

С большой речью о своей пьесе, о творческом методе и о всех критических замечаниях, которые пришлось выслушать автору на творческом собрании “Литгазеты”, высунул Вс. Вишневский. Мы ограничились местом. Но даем ей, чтобы она была членом впереди. Вишневский многое сделал. Дальнейшая работа его над творческим методом, без сомнения, позволит создать ему еще более значительные вещи.

С большой речью о своей пьесе, о творческом методе и о всех критических замечаниях, которые пришлось выслушать автору на творческом собрании “Литгазеты”, высунул Вс. Вишневский. Мы ограничились местом. Но даем ей, чтобы она была членом впереди. Вишневский многое сделал. Дальнейшая работа его над творческим методом, без сомнения, позволит создать ему еще более значительные вещи.

С большой речью о своей пьесе, о творческом методе и о всех критических замечаниях, которые пришлось выслушать автору на творческом собрании “Литгазеты”, высунул Вс. Вишневский. Мы ограничились местом. Но даем ей, чтобы она была членом впереди. Вишневский многое сделал. Дальнейшая работа его над творческим методом, без сомнения, позволит создать ему еще более значительные вещи.

С большой речью о своей пьесе, о творческом методе и о всех критических замечаниях, которые пришлось выслушать автору на творческом собрании “Литгазеты”, высунул Вс. Вишневский. Мы ограничились местом. Но даем ей, чтобы она была членом впереди. Вишневский многое сделал. Дальнейшая работа его над творческим методом, без сомнения, позволит